

Часть первая

СОГРЕЙ МОЮ ДУШУ

Глава 1

— Лисовская, подъем! К генеральному быстро!

Я резко подскочила от испуга и подозрительно вперилась в начальника финансового отдела — невысокого плотного мужчину сорока с лишним лет, — явно решившего воспользоваться отсутствием моего непосредственного руководителя. Почему бы лишний раз не утвердиться в чувстве собственной значимости?

— Вениамин Алексеевич, вы так до инфаркта доведете! — возмутилась я и перешла к делу: — Хотелось бы знать, почему это меня, а не начальника экономического отдела, вызывают, неужели в должности повесить решили?

Одновременно я старалась успокоить грохочущее сердце. Что-то в последнее время сама не своя стала, нервная и злая. Начфин Вениамин, называемый так за глаза с чьей-то легкой руки, с интересом взглянул на меня и сказал, ехидно улыбаясь:

— Милана Игоревна, а может, он тоже заметил вашу новую грудь?

Я сжала зубы от злости, но, не подавая виду, в отместку намекнула на его недавно пересаженные волосы на макушке:

— Ну что вы, Вениамин Алексеевич, ничего нового во мне нет, все натуральное, свое, в отличие от некоторых.

Он тоже не остался в долгу:

— Да что вы, Миланочка Игоревна! Три года незаметно было, а теперь — вон какая аппетитная стали. Зачем же вы столько времени скрывали?

Не обращая внимания на его гаденькую ухмылочку, ответила «под дурочку»:

— Ой, да просто домкрат в машине сменила, вот теперь и не скрываю. Может, вам производителя и модель подсказать, глядишь, и вам для чего-нибудь пригодится.

Я в упор смотрела на начфина, намекая на похождения его гламурной супруги, в курсе которых вся фирма и которые бывшая модель ни от кого не скрывает. Да, судя по бледному виду «рогатого супруга», я наступила ему на самую большую мозоль, но ведь сам достал меня основательно за последнее время.

— Знаете, Лисовская, вы хоть и выглядите, как моя старшая дочь, не старше пятнадцати, но язык у вас — не на ваши двадцать пять, а на все сорок. Ну да ладно, я не злопамятный, вас Жданов вызвал сообщить приятную новость. Вы едете с начальством в Германию на выставку вместо Розовской. Она отдыхать отправляется, а вы, как всегда, за нее пахать будете, — высказался и с чувством выполненного долга удалился, не забыв ущипнуть нашу секретаршу Вику за многотрадальный зад.

Пришлось мне все остальные колкости проглотить и направиться в кабинет к генеральному. Работаю здесь, в крупной строительной компании, четвертый год, но своего положения — должности старшего экономиста — добилась исключительно личными достижениями в области экономического планирования и прогнозирования, за что меня и ценят. Хотя, когда четыре года назад я пришла сюда на собеседование, не только не хотели брать на работу, а еще и высмеяли. Только благодаря протекции моего отчима удалось получить здесь место. И все из-за моей внешности.

Мне двадцать четыре с половиной, но совсем недавно я выглядела лет на тринадцать, начфин прав. И только последние полгода начали происходить долгожданные изменения. У меня наконец-то появилась попа и грудь — и теперь выгляжу на шестнадцать. Я бы рассмеялась в лицо любому, кто скажет, как это замечательно — молодо выглядеть и везет же некоторым. Мои родители потратили уйму времени и денег, чтобы выяснить, почему мое физическое развитие настолько запаздывает и не соответствует умственному. К сожалению, им не удалось узнать: врачи только разводили руками.

Приходится все время носить с собой паспорт, чтобы доказывать, что я уже большая девочка и имею право водить машину, покупать имущество, ходить в ночные клубы и пить алкоголь. Хотя последнее не входит в список моих пристрастий. Да и в клубы я практически не хожу, особенно после того, как в последний раз в одном из них на меня запал педофил. С трудом отбилась. Но зато как ту скотину отметелила охрана! Любо-дорого смотреть было.

Каждый день в зеркале я вижу невысокую худенькую девочку с черными гладкими струящимися волосами до талии, длинноногую. Но теперь она неуловимо меняется: нескладный подросток, с малюсенькой грудью и чистой, молочного цвета кожей, стал больше походить на юную девушку, а не подростка, фигурка округлилась. Черты лица у меня приятные, даже утонченные: большие серые глаза, черные дугообразные брови, прямой аристократичный нос и пухлые розовые губы. До сих пор со мной знакомятся пацаны, а не мужчины. Впрочем, и желания как такового я не испытываю, гормоны еще спят. Вот такая фригидная и инфантильная проза жизни.

У меня до сих пор нет месячных и парня тоже нет и никогда не было. Какому нормальному молодому человеку, моему ровеснику, интересно дружить с девушкой, которая выглядит, как тщедушная девоч-

ка-подросток? Особенно меня это напрягало в университете. Жила словно изгой, в ловушке собственного тела, зато очень хорошо и прилежно училась. Закончила спецшколу с углубленным изучением иностранных языков, затем МГУ. Потом мне потребовалось всего три года, чтобы дорасти до старшего экономиста и получить признание и уважение коллег.

К генеральному я шла в надежде отбрыкаться от этой поездки. Что поделать — терпеть не могу большие толпы народа. Возле приемной вдруг почувствовала, как внутри у меня сжалась в тугую комоч пружина предчувствия, даже остановилась от неожиданности. Неужели эта нужда — моя! Я уже перестала верить и ждать. По большому счету никогда и не верила, что могу почувствовать «нужду во мне». Ведь я недоросль, как часто смеялся мой брат Кирилл. За всплывшим в моей голове образом брата последовали мамин и Витин, сердце затопила тупая, никак не проходящая боль воспоминаний. Прошло три года, а легче не становится...

Мой отец погиб, когда мне не исполнилось и года. Вообще, его смерть осталась загадкой для моей матери. Она почему-то была твердо уверена, что нет такой причины, из-за которой ее любимый не вернулся бы домой, будучи живым. Их брак не был официальным, но для мамы мой отец навсегда остался самым лучшим мужчиной на свете. Она ждала его восемь лет, а потом познакомилась с Виктором; и тот взял ее штурмом — уже через пару недель уговорил выйти за него замуж. С отчимом нам повезло: он оказался дипломатом, и наша жизнь потекла плавно и размеренно. Он ни в чем нам не отказывал, баловал и любил всеми фибрами своей широкой души. Мне достался самый лучший папа, а маме — самый лучший муж на свете. Мы объездили полмира, общались со многими людьми, наш дом напоминал отель из-за постоянно гостивших друзей и знакомых.

Но все когда-нибудь меняется, и мой мир изменился в тот день, когда разбился самолет, на котором

из Италии возвращались мама, отчим и младший брат Кирилл. Уже три года я живу в нашей огромной, пустой и гулкой квартире одна. Никому не нужная, ущербная женщина-подросток. Я хорошо зарабатываю, но мне практически некуда и не на кого тратить, — это не приносит счастья. Две студенческие подруги обзавелись семьями и детьми, и мне практически не о чем с ними поговорить, да и не хочется, потому что завидно.

Первой на мою интуицию обратила внимание мама, потом одноклассницы, но особенно ярко она проявилась в университете. Я так и не определилась с границами своего дара, но всегда чувствовала, когда и кому нужно что-то сделать или куда-то попасть, чтобы удовлетворить свою нужду в чем-то или ком-то. Особенно это касалось людских отношений. Очень скоро в университете меня стали звать свахой. Я стопроцентно определяла двух подходящих, а главное — нуждающихся друг в друге людей. И вот сейчас, у дверей приемной нашего директора, замерла, внимательно и недоверчиво прислушиваясь к себе самой...

Приняв окончательное решение, я резко открыла дверь в приемную.

* * *

Стараясь не встречаться ни с кем глазами, я шла к лифту отеля, в котором мы остановились и где сейчас проходит очень важная для нашей компании конференция. Я очень устала сегодня. Впрочем, трехдневная поездка в Берлин в целом не принесла мне лично ничего хорошего или интересного — сплошная головная боль и разочарование.

Вестибюль отеля, где проходила международная выставка, поражает не только размерами, но и количеством участников, прибывших сюда как и мы послушать других, рассказать о себе и получить возможность заключить выгодные контракты или партнерские соглашения. Пришлось стоять в очереди

к лифту, чтобы подняться на четвертый этаж в свой номер. Усталость накатила новой волной головной боли, заставляя ссутулиться и сцепить зубы. А ведь летела сюда в приподнятом настроении, предвкушая; можно сказать, с бабочками в животе. Причем согласилась добровольно, без всяких условий. В сущности, сама напросилась. Зачем?

Я вновь остро почувствовала свою нужду, от чего заняла не только голова, но и грудь. Нервно потеряла вспотевшие ладони. Мне все надоело: разряженные женщины в поисках кошелька потолка; мужчины, пытающиеся казаться всемогущими пупами земли, и все их бессмысленные пафосные игры. Торчу здесь уже третий день, неотлучно находясь рядом с двумя начальниками, и, кажется, начала потихоньку сходить с ума от бесконечной суеты. Наша строительная компания здесь в поиске новых инвесторов и, возможно, крупных клиентов. Я три дня рассчитывала, консультировала и сегодня от усталости плохо соображала.

К счастью, выставка закончилась и завтра утром я вернусь домой, в Москву. Я уже мысленно собирала чемодан, когда открылись двери лифта, оттуда вышли трое мужчин и направились к выходу из отеля. Люди перед ними расступались, словно льды перед ледоколом, но они, не обращая ни на кого внимания, темной машиной плавно «рассекали волны».

Меня буквально затолкали в лифт, и я наблюдала за широкими спинами выразительной троицы, пока кабина заполнялась людьми. За пару секунд до закрытия дверей я заметила, как самый высокий и мощный из темного трио резко обернулся и, замерев на долю секунды, кинулся обратно к лифту. Я толком не смогла рассмотреть их лица, потому что мне все время мешали чужие спины, а он не успел заскочить в лифт — двери закрылись, и кабина мягко двинулась вверх. Мне повезло: четвертый этаж оказался первой остановкой. Уже возле своего номера я услышала, как по лестнице кто-то пробежал наверх, но через секунду с лестничной площадки, не заметив меня, по кори-

дору к лифту направился один из троицы. Высокий смуглолицый брюнет, скорее всего француз. Если бы не жуткое хищное выражение лица, его можно было бы назвать красивым.

Аккуратно, беззвучно прикрыв дверь, чтобы не обнаружили мое любопытство, я наконец осталась в одиночестве. Тишина и покой! Но вдруг услышала тихий шорох возле двери. Затаив дыхание, осторожно отступила от нее на пару шагов. И вдруг почувствовала, как взорвалась моя нужда, тысячами осколков впиваясь во внутренности. Но если это «он», почему я ничего не почувствовала, когда смотрела на него в коридоре и возле лифта? Мужчина вызывал у меня только страх, даже больше того — ужас! Нет! Я не хочу! Услышав, как тот, кто был за дверью, тихонько удалился, я кинулась собирать вещи. Не останусь в этом отеле ни секунды лишней; в конце концов, можно и в аэропорту переждать ночь. До утра осталось всего ничего.

Глава 2

Москва встретила меня привычной суетой аэропорта и приятным, ни с чем не сравнимым ощущением дома. Было такое чувство, словно я оторвалась от погони, избежав какой-то опасности. На работу, конечно, в этот день не пошла, предпочтя наконец-то выспаться, пробежаться до ближайшего супермаркета и со вкусом посидеть в кресле перед телевизором. На следующий день странный случай в гостинице показался мне совсем незначительным. Да мало ли зачем бегали по коридорам те мужчины, да и вообще на секьюрити слишком похожи, работа у них такая, а я себя, как обычно, накрутила от усталости и недосыпа.

— Ой, Милана, как я рада тебя видеть! — искренне порадовалась мне на следующий день секретарша Вика, которой я не забыла купить подарок

в дьюти-фри, и посочувствовала: — Укатали тебя наши боссы, наверное. Вон какая худенькая, бледненькая, я тебе сейчас кофе с печенюшками органирую, а ты мне расскажешь, что интересного видела, кого встретила.

Вика моложе меня на два года, но относится ко мне как к младшей сестре, а не к малолетней пигалице-выскочке, как большинство сотрудников офиса.

Я честно призналась:

— Рассказывать особенно не о чем. Три беспросветных дня, работы было столько, что еле до кровати доползала, а когда все наконец-то закончилось, даже на фуршет не осталась, сбежала с конференции, быстро побросала вещи в сумку и рванула в аэропорт.

— Вот и славно! — возле нас визуализировался начфин с папкой, которую тут же вручил мне с кривой усмешкой: — Предлагаю вам отдохнуть с расчетами по этому крутому объекту.

Вика за спиной гордо удалившегося Вениамина Алексеевича выразительно закатила глаза, а я, притворно вздохнув, чтобы он порадовался своей шутке, отправилась работать.

Тупо пялясь в экран компьютера, я размышляла о том, что за странные вещи со мной происходят. Месяц назад вернулась из Берлина — и понеслось! Я начала видеть эротические сны и, просыпаясь, весь день ходила неудовлетворенная, чтобы с приходом ночи опять погружаться в смущавшие меня сны, которые не приносят облегчения и покоя. Но самое интересное продолжает твориться с моим телом. Оно буквально на глазах расцветает, одновременно радуя и пугая.

И вот, спустя столько лет ожиданий, у меня начались первые критические дни. Я с таким диким восторгом выбирала себе прокладки, что продавщица в магазине заподозрила меня в невменяемости. Но ей не понять, что эти прокладки для меня означают. Я — как все! Наконец-то стала взрослой и мое тело это «осознало», посылая мучающие и бередящие душу

сны. За четыре года я ни разу не брала отпуск. Видимо, настало время отдохнуть и принять жизненно важные решения. Ну что ж, на данный момент Французская Полинезия — самое заманчивое место для меня. Вперед и только вперед!

* * *

Развалившись в шезлонге, я лениво сквозь очки наблюдала за другими отдыхающими. Перелет был длительным и утомительным, поэтому встать, чтобы хотя бы искупаться, не хотелось. Меня хватило только на лежание в купальнике, вот и наслаждалась отдыхом и запахом моря, вслушиваясь в окружающие звуки, да рассеянно наблюдала за такими же, как сама, и обслуживающим персоналом.

Поправив купальник на груди еще раз, сделала себе заметку срочно купить новый, потому что этот еле-еле прикрывает мою вдруг выросшую до второго размера грудь. Снова оглядевшись, заметила, что на меня с соседнего шезлонга в упор смотрит красивая девушка, наверняка оценив мою возню со сползающим и оголяющим слишком много верхом купальника. Увидев, что я отметила ее интерес, красавица приветливо улыбнулась и поздоровалась со мной на английском. Благодаря стараниям моего отчима и преподавателей в школе и в университете, английский я знаю в совершенстве, так же как и французский. Поэтому сразу определила, что девушка, скорее всего, англичанка.

— Доброе утро! Я смотрю, вы давно на море не были. Знаете, на территории отеля есть хороший butik с пляжной одеждой. Ой, извините, я вас не отвлекаю? — спохватилась она и, по-прежнему мило улыбаясь, посмотрела на меня.

Я немного стеснялась, но, вспомнив о желании начать новую жизнь и перестать прятаться от людей, искренне улыбнулась ей, поощряя знакомство. В конце концов, я здесь совершенно одна и, чувствую, скоро взвою от скуки. Еще раз внимательно на нее посмотрев и решив, что эта милая шатенка с короткой

стрижкой «каре» и добрыми шоколадными глазами вряд ли испортит мне отдых, ответила:

— Доброе утро, мисс, на море я действительно давно не была, да к тому же из старого купальника выросла, причем самым неожиданным образом. — Снова взглянув в ее понимающие глаза, смутилась. — Спасибо за совет, непременно сегодня же схожу туда, чтобы не позориться. Вот прямо сейчас.

Она взглянула на меня чуть пристальнее и мягко успокоила:

— Не переживайте, посмотрите вокруг, здесь так многие носят, просто я заметила, что беспокоитесь по этому поводу конкретно вы. Я тут отдыхаю с семьей, мне откровенно скучно и нечем заняться. Если вы не против, с удовольствием схожу с вами в магазин, заодно и себе что-нибудь посмотрю.

Я обрадовалась и с готовностью вскочила на ноги. Надела легкое платье на купальник, и мы направились в бутик.

— Кстати, я Изабель Макгрант, здесь отдыхаю с мужем Коннором и его кузеном Николасом Макгрантом, — представилась незнакомка, пояснив: — Мы принадлежим к старому шотландскому клану, который возглавляет отец Коннора.

— Милана Лисовская. Из Москвы.

Я с восторгом смотрела на новую знакомую и не могла поверить, что вот так запросто разговариваю с шотландской аристократкой в энном колене. Потом я купила пару новых купальников, парео, пляжную обувь... ну и еще много всякой всячины, которой заняла обе руки. Но в душе пела от радости и удовольствия: день начался необыкновенно прекрасно!

Мы с Изабель, нисколько не отстававшей от меня по части покупок, отнесли обновки по номерам, заодно выяснив, кто где живет, и вернулись на пляж. Моя апатия растаяла как прошлогодний снег, я была полна сил и жаждала чем-нибудь заняться. Поэтому, недолго думая, приняла предложение Изабель поплавать и наслаждалась каждой секундой в ласковой теплой

прозрачной воде. Как же давно мне не было так хорошо! Но к глазам подступили слезы, поэтому, нырнув с головой, поплыла к буйкам. Вынырнув и отфыркавшись, я увидела рядом с собой Изабель. Она напряженно посмотрела на меня:

— Милана, с тобой все в порядке?

Я улыбнулась и, доплыв до камня и ухватившись за него руками, рассказала о причине расстройства:

— Вспомнила, как четыре года назад отдыхала на море со своей семьей. Было хорошо и весело. Мы с братом дурачились от души. Представляешь, он младше меня на десять лет, а нас все принимали за погодков. Десятилетний мальчишка и двадцатилетняя девушка, а выглядели ровесниками. Три года назад они погибли в авиакатастрофе. Я осталась одна.

Изабель сочувственно прикоснулась к моей руке, но все-таки спросила заинтересованно:

— В какой клан входит твоя семья?

Я непонимающе уставилась на нее, а потом рассмеялась:

— Нет, Изабель, в России нет кланов, как в Шотландии. Да если бы и были, то... Понимаешь, мы с Кириллом родные по матери, а отцы у нас разные. Хотя отца лучше Виктора не найти во всем мире. Он самый хороший человек на свете. А мой родной отец исчез, когда мне не было еще и года. Но мама сказала, что он умер, раз не вернулся домой. Почему-то она в это свято верила. Но я его не помню и не знаю, где его семья и была ли она у него. Меня воспитывал Виктор, и его я считаю отцом.

Она снова очень пристально посмотрела на меня, а потом осторожно спросила:

— Значит, он хороший человек?

Я удивленно посмотрела на нее, не понимая, почему она так странно выделила последнее слово, и тоже спросила:

— Ну да! Я, конечно, понимаю, что сейчас хороших людей мало, тем не менее нам с мамой повезло встретить одного из них. Ничего удивительного, ведь